

Возвращение Тендрякова

Небольшая повесть молодого Тендрякова «Ухабы» стала заметным литературным событием 1956 года, памятного важными историческими свершениями. Вспоминая парадоксальную, поразившую меня оценку «Ухабов» академиком Ландау. Нас, собеседников-литераторов занимало определение жанра и тонкости языка, а знаменитый физик, только что коктейбельской ночью прочитавший «Ухабы», снисходительно взглянул на нас и сказал: «А для меня «Ухабы» — глава из нового радищевского «Путешествия...».

Прав ли он, не знаю и сегодня, но ученый, отвергая наш ремесленный, цеховой счет, мудро и точно определил врожденную талант Тендрякова высоту и гражданскую ответственность мысли.

От «Ухабов» прошло, не прошло — промелькнуло, еще три десятилетия работы Тендрякова за писательским столом, работы, которой — по духовному напряжению, по мужеству самоанализа и упорству самосовершенствования — я не могу найти равных среди своих современников.

И не раз возникало недоумение — и тогда, когда на телеэкране с толком выступали учителя-новаторы, и когда кокетничали с вечностью иные литераторы, — почему же не слышно голоса Владимира Тендрякова, художника, по самое темя погруженного в мир современности, мир нравственно-

сти, погруженного до ощущения отшельничества, но отшельничества не от сложных и болезненных проблем жизни, а от литературной суеты? Назревала реформа школы, непредвиденно обострились молодежные конфликты, бесценным, как никогда, становился духовный опыт личности — как же не услышать в такую пору голос Тендрякова?!

Оказывается, его голос раздался еще в 1980 году, и там, где и надлежало ему прозвучать: в помещении Педагогического института имени Ленина, но, видимо, голос этот был признан недостойным популяризации. Только на исходе нынешнего июля пленка была извлечена из неспрятных подвалов косности и показана многомиллионной аудитории.

Кажется, уже и счет потерян спасенным и возвращенным из небытия (пусть небытия «золотого» — ведь диктор телевидения назвал эту передачу: из «золотого фонда» Центрального телевидения) фильмам, пьесам, романам, повестям, поэмам, но всякий раз задаешься вопросом: почему, за какие грехи передача была отринута от жизни, от полезной работы на общество, на социализм? Боюсь, что никто не ответит ни на это, ни за это.

Не оттого ли, что Тендряков не по времени резко заговорил о падении нашей литературы, полужадушенной в послевоенные годы «теорией бесконфликтности»?

Не оттого ли, что, спрошенный о любимых современных писателях, он, не колеблясь, уже тогда, в 1980 году, назвал «огромной надеждой нашей литературы» одного Валентина Распутина, минуя принятую и вроде бы обязательную писательскую иерархию?

Не оттого ли, что он так упрямо отказывался от лестного по нынешней моде ученичества у Достоевского, навязанного ему критикой после повести «Расплата», а кумирами своими называл Пушкина, Льва Толстого, Гоголя и с особой, сквозившей и в интонации, и во взгляде нежностью Чехова?

Не оттого ли, что он не рисовался, называя себя «скучным прозаиком, почти не читающим стихов», а работу прозаика называл «лошадиной работой», признавался, сожалея, что мало восприимчив к музыке; отказывался от чести считаться автором столь модных нынче притч; говорил правду, и только правду, о себе и о жизни, как он ее понимает, непрерывно разрушая романтизированный и приукрашен-

ный многими образ писателя-творца?

И ни одной притворной, актерской улыбки на публику, ни единого жеста ради успеха, ни самой малой уступки расхожим суждениям или уютному, простительному даже компромиссу.

Странная, превосходная передача!

Авторы словно заранее умно подготовились к встрече с неудобным и немерным героем. Они почти не отвлекаются на общие планы, пространство сведено к минимуму, нет сцены, ее глубин и размаха, нет внешнего движения, тем богаче движение внутреннее. Есть портрет, долгий, размахом в целый час, портрет размышляющего человека. Тендряков щедро берет из своего жизненного и художественного опыта все, что накопил за десятилетия, но не скрывает от слушателей, что у него нет готовых ответов на очень многое и выход только один, он в сочувливом и честном соразмышлении.

Прекрасен этот человеческий поясной портрет (даже жилистая, рабочая, изнемогающая в писании рука только дважды возникает на экране), выразивший без всякой игры и имитации непрерывные усилия мыс-

ли, ее трудную и почти открытую зрителю работу. Вот почему это узкое губастое лицо, серьезное, а то и суровое, лоб, то и дело собранный напряженными морщинами, все это обыкновенное не прискучивало и не могло прискучиться.

Вся передача, если окинуть ее единым взглядом, честный, сосредоточенный и пронзительный урок нравственности во множестве ее аспектов. Урок, полный неожиданностей, резких, внезапных поворотов мысли, урок непримиримости к любым педагогическим или литературным стереотипам.

И я с великой печалью думал еще и о том, что нас отдают от этой передачи семь долгих, как век, лет, что Тендряков ушел из жизни, так и не дождавшись публикации своего романа «Покушение на миражи», бесценного итога тридцатилетних размышлений и трудов; что студенты, слушавшие его в 1980 году, не первый год уже ведут по жизни своих учеников — но помнят ли они урок Тендрякова, прочтут ли этот роман, почти не замеченный критикой, прочтут ли, чтобы в нем найти многие ответы и ощутить, как осуществляется великая — а им тогда показавшаяся слишком скромной! — мечта писателя: «Высечь хотя бы одну искру, которая зажгла бы душу читателя»?

Александр
БОРЩАГОВСКИЙ